

УДК 81'23

РЕАКЦИИ-СРАЩЕНИЯ КАК АСПЕКТ «ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ» ВЕРБАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Г.Р. Кочетова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры естественнонаучных и общетехнических дисциплин
e-mail: gulchik.k@mail.ru

Филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» в г. Кумертау

В ходе ассоциативного эксперимента была выявлена определённая группа реакций, отражающая промежуточные элементы ассоциативного процесса. Данная группа реакций была названа реакциями-сращениями. Некоторые из них свидетельствуют о возникновении образов, в большинстве случаев связанных с цветностью. Реакции были получены от носителей башкирского и татарского языков, при этом все они являются уникальными ассоциациями, которые характеризуют аспект «внутренней формы» звукобуквы. На сегодняшний день нам удалось лишь эксплицировать сращения и поставить вопрос о стратегиях связи и их универсальности независимо от языка.

Ключевые слова: реакции-сращения, башкирский и татарский языки, ассоциации, ассоциативная цветность, внутренняя форма, звукобуквы.

Введение.

Термин «цвет» определяется контекстом развития науки, национальной культуры, особенностями мышления людей в настоящее время. Способ познания мира на основе цветового восприятия включает две основные плоскости – логическую и чувственную. Психологи определили, что эмоции людей имеют связь с цветом, при этом каждая отдельная эмоция соотносится с определенной окраской, а определенный цвет вызывает строго конкретные эмоции. Понятие цвета имеет большое количество определений в науке, в разных науках есть свое определение данного термина в определенной области изучения.

Человек всегда проявляет определенную реакцию в отношении конкретного цвета. Чаще всего такая реакция оказывается эмоциональной, причем эмоции определяются его физическим и психическим состоянием, его оценкой в отношении себя и собственной деятельности.

Каждый цвет имеет свое значение, оно определяется тем, как человек владеет конкретным языком. П.В. Яньшин высказал мнение о том, что цвет связан с мировосприятием народа и его миропониманием. У людей есть определенная степень владения цветовой лексикой, благодаря чему можно проникнуть в картину мира, характерную для людей прошлого. Также стоит указать, что с развитием культуры происходит обогащение

цветового восприятия [Яньшин 2006: 153]. На основе анализа цветовых символов, характерных для звуков, можно получить определенные знания, характеризующие общую картину индивида.

Сегодня именно эксперимент на ассоциативной основе выступает в качестве продуманного подхода в отношении исследования речевых возможностей людей. Ассоциативный эксперимент (далее – АЭ) применяется в том случае, когда нужно «определить» ассоциативную память людей, а также изучить различные ассоциативные процессы, которые связаны с лексиконом определенного народа для установления ассоциативных связей с конкретными словами.

Анализ ассоциаций имеет значение в связи с тем, что ассоциация – один из самых важных механизмов мышления человека. Внутренняя форма слова имеет ассоциативный характер, это средство определения целостного представления у говорящего на языке о предмете при помощи его отличительного признака. Наличие «суггестивного лика» для конкретной модели зависит от требований к внутренней форме, при этом подобные требования далеко не всегда прописываются в полной мере. Ассоциативная цветность, характерная для вербальной модели, является аспектом внутренней формы, который был материализован и имеет связь с потенциалом текста и конкретного слова.

Сегодня ведутся споры по содержанию термина «внутренняя форма». По результатам ознакомления с трудами И.В. Новиковой можно сделать вывод о том, что автор указывает на наличие противоречий при характеристике внутренней формы лингвистической структуры. Ученый приходит к выводу, что некоторые лингвисты связывают внутреннюю форму предмета с мотивацией, а некоторые исследователи считают ее основой для номинации и характеризуют внутреннюю форму как противоположность этимону [Новикова 2011: 55].

А.Д. Травкина также рассматривает особенности внутренней формы. Автор на основании анализа идеи, предложенной А.А. Потебней, считает, что соотношение формы и содержания постепенно меняется: «прямое сцепление формы и содержания разрывается в силу обнаруживаемых противоречий, конфликтов» [Травкина 2007: 97]. При этом появилось разделение, которое возникает по линии между объективным и субъективным, между индивидуальностью и социумом, между внутренним и внешним. А.Д. Травкина также утверждает, что значимым стало противопоставление живое слово – слово лексикографическое. Ученый говорит об изменениях самой модели, а именно об изменении соотношения «форма – содержание» на «внешняя форма – внутренняя форма» [Там же: 98].

В работе С.В. Ионовой внутренняя форма связывается с текстом. Автор полагает, что мысль о внутренней форме в отношении текстов

оказывается познавательной по характеру, поскольку у крупных единиц коммуникаций появляется больше возможностей в плане использования. Вопрос о том, как соотносятся внутренняя и внешняя формы речевых конструкций, является основой для анализа текстов в качестве возможности хранения информации [Ионова 2007: 13].

У цвета всегда есть внешняя и внутренняя формы высказывания. П.В. Яньшин считает, что «перцептивный цвет» – это внешняя форма, мы его видим и отчетливо представляем. Цвет имеет определенные свойства, в том числе и насыщенность. Внутренняя форма – это такой цвет, который имеет связь с эмоциями человека, это внутреннее выражение цвета и его обозначение [Яньшин 2006: 315].

Т.М. Рогожникова при определении ассоциативной цветности как элемента внутренней формы текста проводит сравнение вербальной модели текста и его внутреннего содержания. Автор считает, что анализ ресурса представленной модели позволяет произвести языковую компенсацию на основании внутренней формы [Рогожникова 2013: 2]. Также автор упоминает о большом количестве препятствий, которые возникают, когда происходит осознание основных свойств вербальной модели до того, как будут созданы соответствующие инструменты, с помощью которых можно определять, какие законы лежат в основе действия слова. Т.М. Рогожникова проводит анализ связи внутренней формы языка и возможности вербальной модели и указывает несколько направлений для анализа, включая и исследование цветового сопоставления ассоциаций [Рогожникова 2014: 113]. Чтобы определить психологический аспект цвета в определенном языке, нужны сравнительные исследования с другими языками. Не менее важна возможность формализовать указанное явление. Наличие ассоциативной цветности в рамках вербальной модели показывает элементы внутренней формы текста и ресурс какого-либо слова. Необходимо обозначить цветовое сопоставление ассоциаций в качестве признака внутренней формы, которое конкретизируется благодаря исследованиям промежуточных элементов АЭ.

Т.М. Рогожникова указывает на то, что сенсорный ассоциативный ряд является непрерывным, при этом его суть в том, что не существует пороговых значений, каждый стимул приводит к появлению ощущения. В ходе исследования стало понятно, что информирование человека осуществляется по нескольким каналам, включая и ощущения. В данной связи интерес для изучения представляют экспериментальные материалы, полученные автором на слово-стимул СТРАХ. В ходе эксперимента производился анализ контекстного и внеконтекстного вариантов АЭ. Автор проводила постэкспериментальный опрос и высказала мнение о необходимости диалога между испытуемым и экспериментатором,

поскольку была обнаружена особенная связка между реакцией и стимулом; исходя из этого, образуются *сращения*, которые возможно обнаружить в ментальных пространствах.

Т.М. Рогожникова рассматривает сращение как определенно новое пространство, которое образуется путем совмещения некоторого числа ментальных пространств с единым механизмом. Автор на основе материалов, которые были получены при проведении экспериментов, указывает на то, что полученные дефиниции – пример создания ментального пространства при качественной обработке данных. Исследователь считает, что сращение и является тем ментальным пространством, которое имеется в нашем воображении и памяти. Оно выступает в качестве определенной виртуальной реальности, где и происходит появление и развитие знаний. Автор пишет, что определение степени, в которой респонденты владеют лексикой, определение сращений и анализ уровней, на которых происходит обработка данных, приводят к тому, что важно определять характер связей, их характерные особенности, наличие у них универсальности, находить отличие от нормы и саму норму [Рогожникова 2004: 110].

Материалы и методы.

С 2010 по 2012 гг. ассоциативные эксперименты были проведены нами с привлечением носителей татарского и башкирского языков, при этом были созданы цветные матрицы для указанных языков. Матрицы создавались в соответствии с идеей ассоциативной цветности звукобукв исследуемых языков. Анализ такого типа для указанных языков производился впервые. Мы опирались на работы таких авторов, как Л.П. Прокофьева, Т.М. Рогожникова, Н.В. Ефименко, где подобный анализ проводился на материале других языков.

Экспериментальный материал для исследования – 42 звукобуквы (башкирский язык): А, Б, В, Г, Ф, Д, З, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, К, Л, М, Н, Н, О, О, П, Р, С, С, Т, У, У, Ф, Х, Ё, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Э, Ю, Я и 39 звукобукв (татарский язык): А, Ә, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, Н, О, О, П, Р, С, Т, У, У, Ф, Х, Ё, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я. При этом звукобуквы определялись в качестве элементов звукоизобразительной системы в связи с их определенным количеством, когда можно определить все комбинации звукобукв, произвести моделирование результата для создания автоматизированных информационных систем.

Эксперимент осуществлялся при помощи письменного опроса людей при использовании их родного языка. Проведение свободного АЭ предполагало установление контакта с испытуемыми, объяснение инструкции и выполнение задания. Устно пояснялась цель эксперимента и приводился пример ассоциирования со словом, не принадлежащим к

списку слов-стимулов. Экспериментальные анкеты предъявлялись каждому информанту индивидуально. Затем, согласно инструкции, испытуемые произносили вслух звукобукву и записывали рядом с каждой звукобуквой то слово, которое первым приходило им на ум. На данном условии (первая спонтанная реакция на стимул) экспериментатор особо акцентировал внимание испытуемых и просил не раздумывая дать реакцию. Но общее время проведения эксперимента не ограничивалось с целью обеспечения комфортных условий для каждого участника и проявления индивидуальных особенностей реципиентов. Преимущество АЭ состоит в том, что испытуемые работают с экспериментальным материалом в «режиме употребления», а время реакции у каждого реципиента различно. При работе с группой на заполнение анкет тратилось примерно 35 минут, индивидуально – 20.

Обсуждение результатов.

В ходе проведения экспериментов отдельной группой стали реакции, которые создавались при проведении АЭ. Так возникали *реакции-сращения*, они сопровождали *ассоциативный процесс*. При исследовании было определено 200 сопоставлений по звукобуквам башкирского языка и 138 сопоставлений по звукобуквам в татарском языке [Кочетова 2014: 126].

В башкирском языке можно привести следующие примеры реакций-сращений (фрагмент):

З: шишмә (ручей), костюмы (костюм), кәмә (катер), бау (веревка), итек (сапог), шәл (платок).

И: әрмәнде (жаба), корма (шторы), өҫтәл (столик), бәс (иней), ата күркә (индюк).

Й: йод (йод), таштай каты (твердый как камень), исәпләү (счет).

К: гранат (гранат), кан (кровь), кызыл байрак (красное знамя), кызыл юл (красная строка), матур тел (красочный язык), йөрәк әрней (сердце кровью обливается).

К: кул һелтәү (махнуть рукой), төнгө караңгылык (ночная мгла), бакыртөс (медно-красный), һуғыш (война).

Л: юкә балы (липовый мед), ләлә (лилия), үсемлек (лиана), тегәнәк (лопух), яраткан кеше (любимчик).

М: яулык (платок), кар (снег), һыуык (холод), боз (наледь), он (мука).

Н: шишмә (ручей), быуа (пруд), тырнак (ноготь), бизрә (ведро).

ң: сәңгелдәк (колыбель), йыл (год), кәнфит (сладости), айыу (медведь).

О: һөт (молоко), күгәрсен (голубка), кәләш (невеста), кағыз (бумага), донъя (мир).

Ө: өкө (сова), дала (пески), карауат (кровать), утын (дрова), көл (зола).

П: сәскә (цветочек), этәс (петух), балаҫ (палас), сиңгерткә (кузнечик).

В татарском языке были получены иные реакции-сращения (фрагмент):

З: жир (земля), аваз (звук), шалтырау тавышы (звонок), ай тотылу (затмение луны).

И: барлыгы (итога), кыланчык кеше (кривляка), төсле чигу жепләре (мулине).

Й: кара-коңгырт төстә химик элемент (йод), бер бөтен икмәк (каравай).

К: кабыну (вспышка), башлап жибәрүче (пионер), янғын (пожар), миң (родинка).

Л: агачы һәм жимеше (лимон), жәй (лето), үлем (вечный покой).

М: тундырма (мороженое), ванна (ванная), һәйкәл (памятник), мулла (мулла), йомырка тәбәсе (омлет).

Н: ат (лошадка), нөктә (досада), киң үсеш (расцвет), нарат (сосна).

О: өн (звучание), дәрәс язучы кагыйдәләре (орфография), кыяр (огурец), коймак (оладья).

Ө: ял көне (праздник).

П: сәяхәт (путешествие), табигать (природа).

Р: балык (рыба), ыруг (род), елга (река), юлбарыс (тигр).

С: көч (сила), авыл (село), сөт (молоко), печән (сено).

Опираясь на исследования Р.А. Сабирова [Сабиров 2006] и анализируя полученные нами реакции-сращения башкирского и татарского языков, мы смогли установить, что основа лексики указанных языков – слова общетюркского происхождения. И прежде всего это слова, которые относятся к частям тела человека (башк.: күз (глаз), ирен (губы), тырнак (ноготь), тән (тело), колак (ухо)), к родственным отношениям (тат.: эти (папа), әби (бабушка)), к явлениям природы (башк.: кар (снег), ак болыт (белое облако), йәшен (молния), йәйғор (радуга), ямғыр (дождь), тат.: жил (ветер), күк күкрәү (гром), яшенле яңгыр (гроза), томан (туман)), к миру животных (башк.: айыу (медведь), ишәк (ишак), ат (лошадь), тат.: аю (медведь), жираф (жираф), сыер (корова), фил (слон)), к растительному миру (башк.: бәпембә (одуванчик), улән (трава), шыршы (ель), мүк (мох), тат.: миләш (рябина), чәчкә (цветы), нарат (сосна)) и т.д.

Реакции-сращения связаны с формированием образов. Каждый такой образ имеет связь с цветом.

Проанализируем сращения:

– на звукобукву **В** башкирского языка: *ылымык* (водоросли), *сырмалсык* (вьюн), *үрсетмә* (рассада), *кесерткән* (крапива);

– на звукобукву **К** башкирского языка: *гранат* (гранат), *кан* (кровь), *кызыл байрак* (красное знамя), *кызыл юл* (красная строка), *матур тел* (красочный язык), *йөрәк әрней* (сердце кровью обливается);

– на звукобукву **У** татарского языка: *карагай* (лиственница), *юкә* (*липа*), *шурәле* (леший), *яфрак* (лист).

Эксперимент позволил понять, что представители башкирского народа считают, что буква **В** «окрашена» в психологический зеленый цвет – такие ощущения отмечены у 58% респондентов, буква **К** в башкирском языке имеет красную окраску (по мнению 57% респондентов), а буква **У** в татарском языке – зеленая (по мнению 45% респондентов). Иногда сращения показывают конкретную цветность звука, а иногда такую аналогию провести сложно.

Для детального анализа остановимся на звукобукве **К**. Рассмотрим данную звукобукву в русском, башкирском и татарском языках. Проанализируем артикуляционную характеристику данного звука на фонетическом уровне:

– звукобуква **К** русского языка: [к] – шумный глухой, заднеязычный, твердый;

– звукобуква **К** башкирского языка: [к] – глухой согласный звук [к] произносится идентично русскому [к], плавно. При звукопроизношении будет заметно смыкание дальней части языка с мягким нёбом. Например: башк. күптән – давно; рус. картон;

– звукобуква **К** татарского языка: [к] – обозначает два звука [к] и [ҕ]. Звук [к] является глухой парой [ҕ].

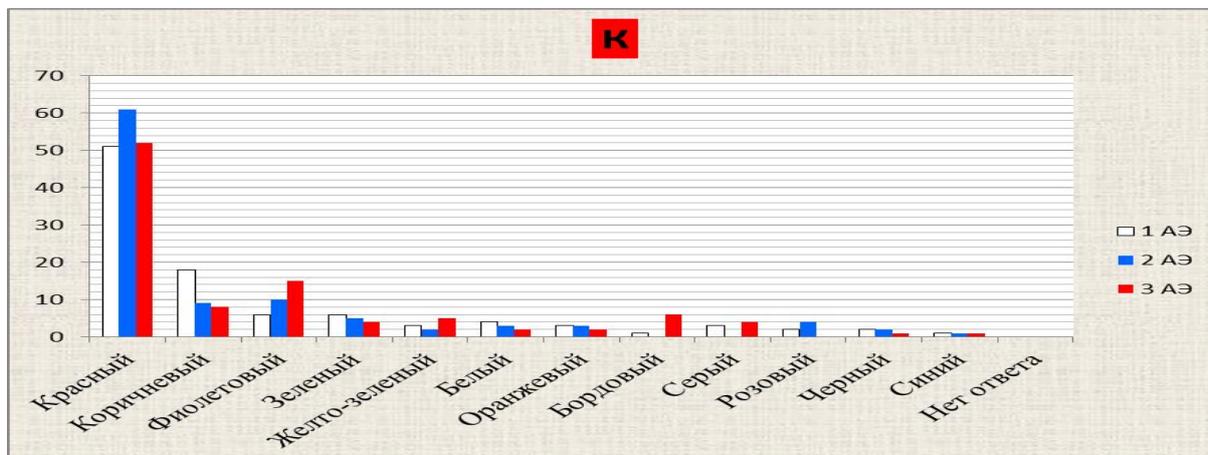
На основании артикуляционных возможностей звукобукв мы определили, что у них сходное написание и звучание на трех языках.

Анализ информации по цветовому сопоставлению звукобуквы **К** русского языка (выполнен Н.В. Ефименко) показывает, что в ядерной зоне ассоциативной палитры находится красный цвет. Данные количественного порядка (таблица 1 и диаграмма 1) дают понять, что носители русского языка воспринимают его в красной расцветке: – 51% (1 АЭ); – 61% (2 АЭ); – 52% (3 АЭ).

Таблица 1 (фрагмент). Цветовое сопоставление звукобуквы **К** русского языка (Ефименко Н.В.)

К	1 АЭ	2 АЭ	3 АЭ
Красный	51%	61%	52%
Коричневый	18%	9%	8%
Фиолетовый	6%	10%	15%
Зеленый	6%	5%	4%
Желто-зеленый	3%	2%	5%
Белый	4%	3%	2%
Оранжевый	3%	3%	2%
Нет ответа	0%	0%	0%

Диаграмма 1. Соотношение цветового сопоставления ассоциаций на звукобукву **К** русского языка (Ефименко Н.В.)

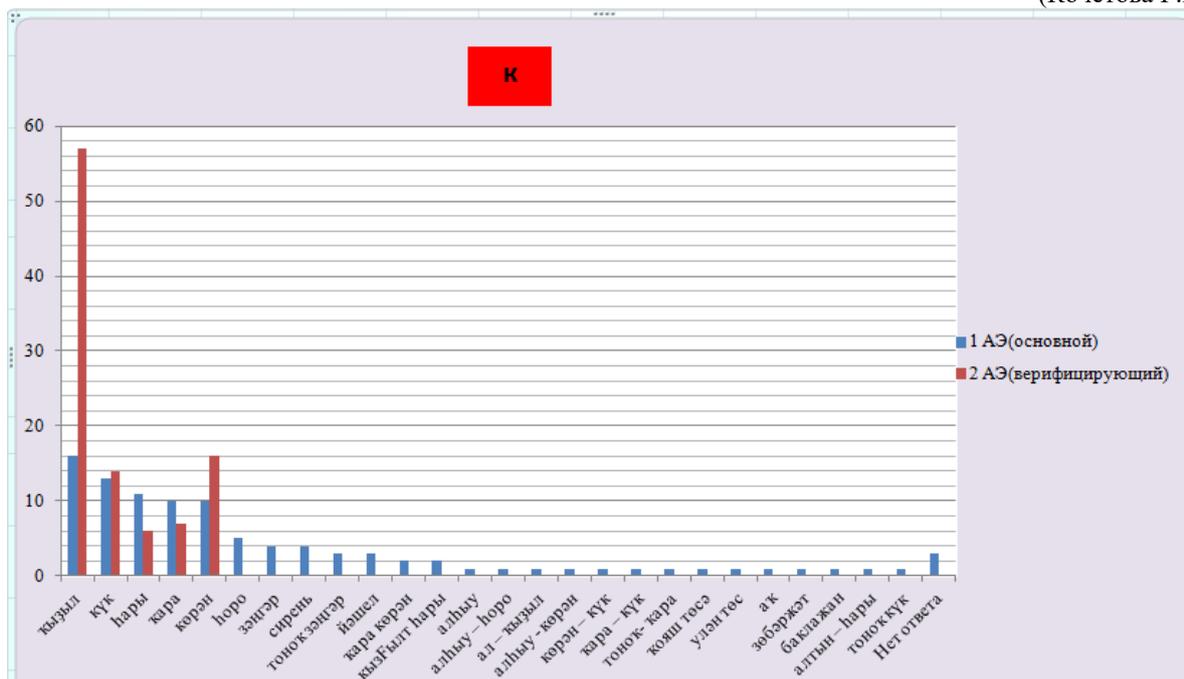
Величина цветового сопоставления ассоциаций на звукобукву **К** в башкирском языке составило (таблица 2 и диаграмма 2): – 16% (красный), – 13% (голубой), 11% (желтый), – 10% (фиолетовый). Процентное соотношение цветового сопоставления вышло невысоким, и следовательно, был проведен верифицирующий АЭ. В данном эксперименте испытуемые уже заполняли анкету-таблицу с конкретными цветоименованиями.

Следовательно, данные количественного порядка на звукобукву **К** башкирского языка составили: – 57% (красный); – 14% (голубой); – 6% (желтый); – 7% (черный); – 16% (фиолетовый). Информационные данные из таблицы 2 и диаграммы 2 показывают, что носители башкирского языка считают, что она находится в красном цвете (кызыл).

Таблица 2 (фрагмент). Цветовое сопоставление звукобуквы **К** башкирского языка (Кочетова Г.Р.)

К (на башк.яз.)	К (перевод на рус.яз)	1 АЭ (основной)	2 АЭ (верифицирующий)
кызыл	красный	16%	57%
күк	голубой	13%	14%
һары	желтый	11%	6%
кара	черный	10%	7%
көрән	фиолетовый	10%	16%
һоро	серый	5%	0%
зәнҗәр	синий	4%	0%
тонок зәнҗәр	темно – синий	3%	0%
йәшел	зеленый	3%	0%
кызғылт һары	оранжевый	2%	0%
Нет ответа		3%	0%

Диаграмма 2. Соотношение цветового сопоставления ассоциаций на звукобукву **К** башкирского языка (Кочетова Г.Р.)

Реакции-сращения на звукобукву **К** башкирского языка:

К: гранат (гранат), кан (кровь), кызыл байрак (красное знамя), кызыл юл (красная строка), матур тел (красочный язык), йөрәк әрней (сердце кровью обливается).

Анализируя реакции, полученные на звукобукву **К** в башкирском языке, мы сделали следующие выводы: испытуемые не смогли определить цвет на предложенный им стимул, но назвали реакции, связанные с красным цветом.

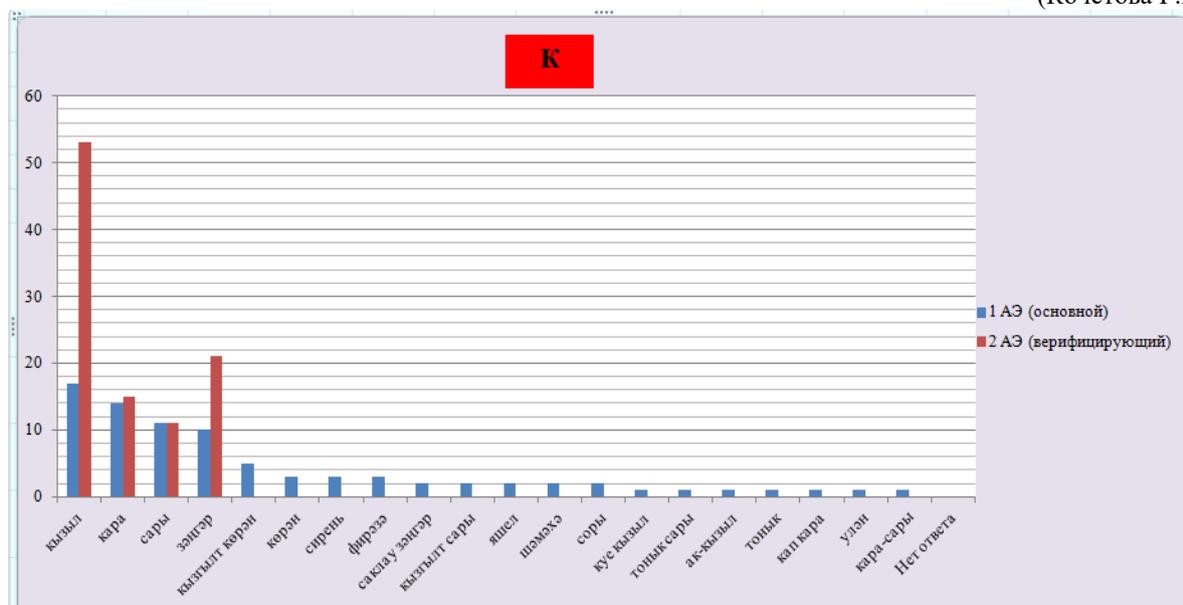
Данные количественного порядка (таблица 3 и диаграмма 3) показывают, что ассоциации по звукобукве **К** татарского языка имеют следующие показатели: – 17% (красный), – 14% (черный), – 11% (желтый), – 10% (синий). При этом процент стереотипности ассоциаций по звукобукве был не слишком высоким. Эксперимент по верификации позволил получить следующие процентные данные: – 53% (красный), – 21% (синий), – 15% (черный), – 11% (желтый).

Исследование цветового сопоставления **К** татарского языка показывает, что в зоне ассоциаций оказывается (кызыл) красный цвет. Количественные показатели также показывают, что носители татарского языка воспринимают звукобукву **К** как красную.

Таблица 3 (фрагмент). Цветовое сопоставление звукобуквы **К** татарского языка (Кочетова Г.Р.)

К (на татар.яз.)	К перевод на рус.яз)	1 АЭ (основной)	2 АЭ (верифицирующий)
кызыл	красный	17%	53%
кара	черный	14%	15%
сары	желтый	11%	11%
зәңгәр	синий	10%	21%
кызгылт көрән	коричневый	5%	0%
көрән	бурый	3%	0%
кук	голубой	3%	0%
сирень	сиреневый	3%	0%
төнлә-зәңгәр	полуночно-синий	1%	0%
Нет ответа		0%	0%

Диаграмма 3. Соотношение цветового сопоставления ассоциаций на звукобукву **К** татарского языка (Кочетова Г.Р.)

Реакции-сращения на звукобукву **К** в татарском языке:

К: кабыну (вспышка), башлап жибәрүче (пионер), янгын (пожар), миң (родинка).

В данном случае носители татарского языка также конкретизируют свои реакции на полученный стимул (кызыл флаг – красный флаг). А другие реакции (кабыну – вспышка, башлап жибәрүче – пионер, янгын – пожар) связаны с красным цветом.

Следовательно, на основании данных исследования информации по цветовой ассоциативности звукобуквы **К** в трех языках, можно утверждать, что данная звукобуква ассоциируется с красным цветом.

Заключение.

В настоящее время исследователи уделяют много внимания изучению связи звука и цвета. Анализ подобных связей помогает установить важные закономерности в формировании индивидуальной и коллективной картин мира, понять архетипы коллективного бессознательного.

В ходе исследования мы смогли эксплицировать сращения и сопоставить полученные результаты в разных языках. Реакции-сращения, свидетельствующие о возникновении образов, представляют собой универсальную языковую и когнитивную манифестацию, механизм образования которой требует отдельного исследования. Особого внимания заслуживают сращения, не увязанные с цветностью. Природа этих сращений не ясна, и для характеристики этих случаев требуется детальный анализ протоколов постэкспериментального опроса.

Мы считаем, что настоящая работа содержит уникальный материал, связанный с изучением цветового сопоставления ассоциаций, а именно звукобукв двух тюркских языков. Промежуточные элементы, полученные от испытуемых во время проведения эксперимента, были отнесены к группе ассоциаций, которые отразили «внутреннюю форму» простых вербальных моделей.

Библиографический список

Ионова С.В. Внутренняя форма текста и способы ее экспликации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Волгоград: Волг. гос. ун-т, 2007. № 6. С. 14 – 20.

Кочетова Г.Р. Ассоциативная цветность как проявление внутренней формы вербальной модели: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Уфа, 2014. 184 с.

Новикова И.Н. Психолингвистическое исследование идентификации полиморфемного слова при учебном двуязычии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2011. 158 с.

Рогожникова Т.М. Стратегии ассоциирования и соматические корни семантики // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып.3. С. 102 – 111.

Рогожникова Т.М. Внутренняя форма и ее ассоциативная цветность. // Лингвистический ИКонизм. Международный научный интернет-проект. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://liconism.com/> (дата обращения: 17.01.14).

Рогожникова Т.М., Кудашов Д.Д., Кочетова Г.Р., Ефименко Н.В. Программа для ЭВМ «БАТЫР» (Автоматизированный анализ слова и текста): Свидетельство о гос. регистрации программы для ЭВМ № 2014613238. М., 2014.

Рогожникова Т.М. Автоматизированный анализ вербальной информации как декодирование суггестивного потенциала языковой системы // Вестник УГАТУ. Уфа: УГАТУ, 2014. Т. 18. № 2(63). С. 113 – 124.

Сабиров Р.А. Основные сведения по татарскому языку // Самоучитель татарского языка. Казань: Изд-во «Меддок», 2006. 400 с.

Травкина А.Д. Третий элемент, или «цемент для соединения двух половинок разбитого камня слова» // Вестник тверского гос. ун-та. Серия Филология (Лингвистика и межкультурная коммуникация). 2007. Вып. 7. № 12(40). С. 95 – 104.

Яньшин П.В. Психосемантика цвета. СПб.: Речь, 2006. 368 с.

References

Ionova S.V. Vnutrennjaja forma teksta i sposoby ee jeksplikacii [Internal form of the text and ways of its explication]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta – Serija 2 [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics]. Volgograd: Volg. gos. un-t, 2007, no. 6, pp. 14 – 20.

Kochetova G.R. Associativnaja cvetnost' kak projavlenie vnutrennej formy verbal'noj modeli [Associative chromaticity as a manifestation of the internal form of the verbal model]. PhD dissertation. Ufa, 2014, 184 p.

Novikova I.N. Psiholingvisticheskoe issledovanie identifikacii polimorfemnogo slova pri uchebnom dvujazychii [Psycholinguistic study of the identification of a polymorphemic word in educational bilingualism]. PhD dissertation. Tver', 2011, 158 p.

Rogozhnikova T.M. Strategii associirovanija i somaticheskie korni semantiki [Association strategies and somatic roots of semantics]. Slovo i tekst: psiholingvisticheskij podhod [Word and Text: Psycholinguistic Approach]. Tver': Tver. gos. un-t, 2004, no. 3, pp. 102 – 111.

Rogozhnikova T.M. Vnutrennjaja forma i ee associativnaja cvetnost' [Internal form and its associative chromaticity]. Lingvisticheskij ikonizm [Linguistic iconism]. Mezhdunarodny`j nauchny`j internet-proekt [International scientific Internet project]. URL: <https://liconism.com/> (accessed January 17, 2014).

Rogozhnikova T.M., Kudashov D.D., Kochetova G.R., Efimenko N.V. Programma dlja JeVM «BATYR» (Avtomatizirovannyj analiz slova i teksta): Svidetel'stvo o gos. registracii programmy dlja JeVM No. 2014613238 [Computer software piece "BATYR" (Automated analysis of the word and text): Certificate of state registration of the computer software No. 2014613238]. Moscow, 2014.

Rogozhnikova T.M. Avtomatizirovannyj analiz verbal'noj informacii kak dekodirovanie suggestivnogo potenciala jazykovej sistemy [Automated analysis of verbal information as decoding of the suggestive potential of the language system]. Vestnik UGATU [UGATU Bulletin]. Ufa: UGATU, 2014, vol. 18, no. 2(63), pp. 113 – 124.

Sabirov R.A. Osnovny`e svedeniya po tatarskomu yazy`ku // Samouchitel` tatarskogo yazy`ka. – Kazan`: Izd-vo «Meddok», 2006. – 400 s.

Travkina A.D. Tretij jelement, ili «cement dlja soedinenija dvuh polovinek razbitogo kamnja slova» [The third element, or "cement for connecting the two halves of the broken stone of the word"]. Vestnik tverskogo gos. un-ta. Serija Filologija (Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija) [Bulletin of the Tver State University. Philology Series (Linguistics and Intercultural Communication)], 2007, vol. 7, no.12 (40), pp. 95-104.

Jan'shin P.V. Psihosemantika cveta [Psychosemantics of colour]. St. Petersburg.: Rech' Publ., 2006, 368 p.